

Лев Портной

стихотворений

Лев Портной

55 стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51140446

ISBN 9785449827678

Аннотация

В сборник вошли разные стихи. Некоторые, совсем старые, из красной тетради, которая лет сорок назад переходила из рук в руки, а однажды чудом вернулась к автору. Есть более поздние стихи и совсем новые. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Провинция	5
Дан и Англъ	7
Армейская история	9
Наступил девятнадцатый век...	18
Дикая кошка	20
Лебеди	22
Ворона	23
Фарфоровый верблюд	25
А что там с Лаперузом?	27
Стеклянный сапог	31
Частушки	33
Предсмертная исповедь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

55 стихотворений

Лев Портной

© Лев Портной, 2020

ISBN 978-5-4498-2767-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Провинция

Ты остаёшься в этом городке,
в котором, говоришь, дошла до ручки,
где люди не возводят на песке
дворцов, но от полочки до полочки

от голода не мрут, и в каждом доме
на Рождество есть водка и боржоми.

Хотя там строят банк и в год на сто
процентов на проезд меняют таксу,
все перемены в городе не что
иное, как явление параллакса.

Там до сих пор Ильич у исполкома
стоит, не осквернён и не изломан.

Случается, что я тебе звоню —
сказать «Привет!»,
затем спросить «Ну как ты?» —
всего лишь два иль раза три на дню, —
настолько редко, что об этих фактах

рассказывать заезжим ротозеям
могли бы в краеведческом музее.

Сигнал шлёт АТС не наобум,
но через раз я в трубке различаю
такой далёкий и нездешний шум,
как будто барышни, озорничая,

со мной соединяют переменнно
то абонента, то эфир вселенной.

Мытищи

Дан и Англь

Древняя легенда

Пахнуло Англией и морем.

Марина Цветаева

Отныне будешь одинок.
Безрадостна удача в споре.
Суровый Дан, тебе – восток,
а брату – запад.
Брату – в море.

Детьми вы бились до кровей,
что б ни делили – хлеб ли, ранг ли.
Драккар плывёт, среди людей
ещё ты различаешь Англя.

Так с древних повелось веков,
чем крепче, тем страшней объятья.
Непримиримей нет врагов,
чем коронованные братья.

Постой же, брат! Давай не так!
Умолкни, сталь! Мы бросим жребий.
И кто король, а кто варяг,
пускай решится там, на небе.

...Драккар за горизонт махнул.
Прощай, мы больше не повздорим!..
Дан отвернулся и вздохнул.
Пахнуло Англией и морем.

Армейская история

1

Всё те же потолок, углы и стены,
и день такой же точно, как вчера,
и год ещё не будет перемены.
А за окном – январская пора.

Не очень подходящая погода
для тех, кто заступает в караул.
Всего лишь час остался до развода,
и ты бы с удовольствием уснул.

А сам не спишь, сидишь, усталый, сонный.
Эх, выспаться б вперёд на много лет!
Но хочется дождаться почтальона.
А почтальона что-то нет и нет.

Но наконец-то двери заскрипели,
кричит дневальный: «Рота! Почтальон!»
На почтальона тут же налетели
и, облепив его со всех сторон,

кричат ему, что голову открутят
за то, что он так долго пропадал!

А из угла «старик» какой-то шутит:
«Алло! Почтарь, а мне ты написал?!»

И все, толкаясь, письма вырывают,
«А мне?! Мне есть?!» – с надеждою крича.
А почтальон тогда на стол кидает
всю почту, возмущившись сгоряча:
«Да нате всё, прикладом вас в коленку!
И разбирайтесь сами, бог ты мой!»
Письмо Крылову, Павлову, Павленко,
опять ему, и вдруг – тебе письмо!

И ты невольно восклицаешь: «Ну-ка,
сюда его! А ну-ка, от кого?»
Протягиваешь за конвертом руку,
но кто-то ловко выхватил его.

И в шутку говорят: «Тебе не к спеху,
год впереди, успеешь, не спеши.
Ты рад – тебе письмо, а нам – потеха.
Так поделись же радостью – спляши!»

Все ждут тебя, и никуда не деться,
и хочешь, нет – давай пускайся в пляс.
Но нет желанья, хочешь отвертеться:
«Да я спляшу, спляшу, но не сейчас».

«Не хочешь – отжимайся!» – брякнул кто-то,
и сразу взрывом разразился смех.

Но ты упёрся: «Не хочу, и всё тут!
Давай сюда письмо! А ну вас всех!»

И кто-то крикнул: «Ладно, чёрт с ним, братцы!
Ну жмот и есть жмот, что ни говори!»
«Да бросьте вы!» – ты хочешь оправдаться.
Тебя перебивают: «На, бери!»

Ну вот, и так ты был не в настроении,
теперь ещё поссорился. Ну что ж,
тебе письмо досталось в утешенье,
и ты конверт нетерпеливо рвёшь.

2

Кто в армии служил, наверно, знает,
как тот, кому и двадцати-то нет,
с трудом от прежней жизни отвыкает,
к которой привыкал он столько лет,

и кто, привыкнув к безграничной воле,
власть командиров и устав познал,
кто никогда не натирал мозолей,
а тут ещё и в кровь их разодрал,

кто каждый вечер пел, купаясь в ванне,
и по утрам под душем тоже пел,
а здесь лишь раз в неделю водят в баню,
причём «кто опоздал, тот не успел»,

тот знает, кто с замёрзшим автоматом
встречал зимою на посту рассвет,
как наши письма дороги солдатам,
как тяжело, когда их долго нет.

Собрать бы письма от друзей, любимых,
в одну большую книгу все их сшить.
Да вот беда – уму непостижимо,
но письма запрещается хранить.

Ты получаешь письма и сжигаешь,
солдатской повинешься судьбе.
И всё же неизменно оставляешь
последнее в кармане при себе.

Когда тоска, подобная дурману,
вплотную к горлу приставляет нож,
достанешь из нагрудного кармана
письмо и всё сначала перечтёшь.

Глядишь – румянцем расцветают щёки,
и лёгкой, светлой делается грусть.
И эти незатейливые строки
порой запоминаешь наизусть.

А то зимою на ученьях в поле
иссякнут анекдоты, прочий вздор,
и кто-то скажет: «Нам бы водки что ли!
Или хотя бы развести костёр».

И спички жжёт замёрзшими руками —
так холодно, что челюсти свело,
а ветер сразу задувает пламя,
и спичек очень мало, как назло.

Совсем замёрзли руки у бедняги,
но развести огонь так и не смог
и говорит: «Сюда б клочок бумаги!»
А ты: «Ребята, у меня письмо».

«Чего же ты молчал?!» Одно мгновенье —
и пепел ветром в поле понесло.
И вслед ему ты смотришь с сожаленьем,
зато теперь товарищам тепло.

3

Письмо пусть не журавль, но синица.
И ты конверт нетерпеливо рвёшь.
Внутри него всего одна страница,
корявый почерк... Чей? Не узнаёшь.

Сначала – как положено вначале:
«Как сам? Как командир – не очень крут?!»
И вдруг: «А у твоей-то трали-вали
теперь с другим, и даже подают
на будущей неделе заявленье.

Об этом я узнал из первых рук,
о чем тотчас с великим сожаленьем
счёл долгом сообщить тебе как друг».

«Нашёлся друг!» – ты про себя воскликнул
и прочитал ещё раз тот абзац.
И тут дневальный что есть мочи крикнул:
«Вниманье, рота! Строиться – на плац!»

Ну что ж, любовь – любовью, служба – службой.
И, не успев ещё тех слов понять,
ты к комнате хранения оружия
становишься оружие получать.

Начкар¹ торопит с лёгкою издёвкой:
«Вы копошитесь! Я тут подожду!»
И ты бежишь, с привычною сноровкой
подсумок поправляя на ходу.

Идёт доклад дежурному по части,
уже темно и кружится снежок.
И до тебя лишь здесь – и то отчасти —
доходит горький смысл этих строк.

Ты для неё стал лишь воспоминаньем,
и тем ты только в этом виноват,
что на два года отложил свиданье,
тем виноват, что ты теперь солдат.

¹ Начкар – начальник караула.

Конечно же, история такая
не редкость, это каждый сознаёт.
И всё же, на два года покидая
свою невесту, верит: обойдёт

такая неприятность стороною
его любовь, и дайте только срок,
он вновь соединится с той одною.
Ну, а пока хотя бы пару строк

ждёт с нетерпением, и она исправно
шлёт за одним письмом другое вслед,
потом всё реже, реже, раз – и плавно
вся переписка сводится на нет.

Такое создаётся впечатленье,
как будто бы её, а не тебя
забросили куда-то на ученья,
где не найдёшь порой в течение дня

не то, чтобы каких-то три минутки,
чтобы письмо кому-то написать,
а сорока пяти секунд за сутки —
портянки на ногах перемотать.

Ты начинаешь размышлять с тоскою,
какую б предпринять из крайних мер?..
Очнись! Очнись! Смотри – перед тобою

давно стоит дежурный офицер.

Он мрачных мыслей рвёт тугие нити,
взорвав внезапным рывком пустоту:
«Товарищ рядовой! Вы что тут – спите?!
Проснитесь, милый, вы не на посту!

Спокойно спать с таким солдатом бравым —
меня увольте. Ну-ка, на вопрос
ответь, что предусмотрено уставом
на случай нападения на пост?»

Ты морщишь лоб...

Ты что-то вспомнить хочешь...

Забыл устав! Который был готов
ответить по тревоге среди ночи,
а тут связать не можешь пару слов.

Дежурный плюнул. «Караул, напра-во! —
скомандовал. – Даю вам ровно час.
Идите! И как справитесь с уставом,
доложите, проверю ещё раз!»

Плац позади, раздался гневный ропот,
ты злые взгляды чувствуешь спиной,
и до тебя доносится сквозь топот:
«Да он ваще какой-то стал гнилой!»,

«Сапог нечищен!», «И ремень вон выцвел!»,
«Заделаться решил солдатик в чмо!».

Но твой земляк, «старик»,
прикрикнул: «Цыц вы! —
и спрашивает, вспомнив про письмо. —

Тебе чего там, кто-то сообщает
какую-нибудь пакость про твою?..»
Но тут начкар вас грозно обрывает:
«Эй вы там! Разговорчики в строю!»

1985

Наступил девятнадцатый век...

Наступил девятнадцатый век,
вот и долгими стали разлуки
и привычным случайный ночлег,
но такими же добрыми руки.

Я так часто их вижу во сне:
то, как долго меня обнимали,
а потом на вагонном окне
что-то важное быстро писали.

Поезда у перронов, свистки,
многочисленные пожитки...
Им на смену пришли ямщики,
бездорожье, метель и кибитки.

Раньше при поездах скоростных
ночь в пути – вот и встретились снова,
а теперь я на перекладных,
перегоны по паре целковых.

И кричу ямщику я: «Живей!»
Вот и двор постоялый за кручей.
И спешу я менять лошадей,
чернобровый, безусый поручик.

И опять фантастический снег
грациозно ложится на плечи.
Так двадцатый окончился век,
но остались короткими встречи...

Дикая кошка

Здесь звери в зверином весельи
идут по горячим следам.

А чуточку дальше – ущелье,
в ущелье – пещера, а там!

Там вкусно, призывно и жарко
дымится очаг до утра,
и женщина в пепле и шкварках
колдует всю ночь у костра.

Там шкуры навалены в груды,
там стены обложены мхом,
за камнем теснятся сосуды,
наполненные молоком.

Там пахнет младенцем и псиной,
там дремлет прирученный пёс.
Ручной страхолюдный мужчина
с косматою гривой волос

ленивым зевком разверзает
зубами утыканный рот,
и – жарко – по космам стекает
огромными каплями пот.

Там каждому – ложка и плошка,
там каждому – сытный обед.
И всё же лукавая кошка
гуляет сама по себе.

Лебеди

И плыли
красивые лебеди. Сад весь в цвету.
Прохожие хлеб им крошили,
а птицы ловили его на лету
и плыли, и плыли...

Ворона

Ком птицы, сорвавшись,
стремительно вниз пал,
и женщины звали на помощь мужчин.
Я бросился к птице
и выхватил из-под
колёс
проезжающих мимо машин.

Она не пыталась от рук защититься,
но в спину летели мне
крики ворон,
пока я больную,
притихшую птицу
заботливо нёс
на соседний газон.

И те,
что вчера назывались «сатрапы»,
делившие с нею
добычу и кров,
кружили,
расставив когтистые лапы,
почувствовав
жертвы горячую кровь.

А эта ворона
была так спокойна,
как будто давно уже
выжила страх,
как всё повидавший
великий разбойник,
дождавшийся пыток,
суда и костра.

Как будто
ещё в то недавнее время,
когда и она учиняла разбой,
решила,
чем сбросила тяжкое бремя:
«Когда-нибудь
это случится со мной».

Фарфоровый верблюд

Вдоль Гегеля и Канта
и вдоль хрустальных блюд
шагает по серванту
фарфоровый верблюд.

С обложки вслед смеётся
косматый Лев Толстой.
Верблюд в него плюётся
фарфоровой слюной.

А на серванте стынут
в пыли его следы.
И как верблюд в пустыне,
он может без воды.

Пусть неприродно как-то
и пусть не на песке,
цветёт колючий кактус,
посаженный в горшке.

И, право, в целом свете
нет жарче стороны.
Палящим солнцем светит
светильник со стены.

И зной и холод злющий
верблюду терпеть готов
за счёт своих могучих
фарфоровых горбов.

И головой безрогой
качает он своей.
В ней копошится много
фарфоровых идей.

И не устанем хором
мы повторять с тобой:
ну что ж, что из фарфора —
он всё равно живой!

И мы его не бросим —
не то чтобы хорош,
а просто, если бросишь,
то точно разобьёшь.

А что там с Лаперузом? Вольная фантазия на тему жизни и смерти французского короля Людовика XVI

Луи Шестнадцатый, король,
на лбу натёр мозоли,
пока решал, какую роль
сыграет на престоле.

Король решил: негоже зря
просиживать рейтузы.
Решил – и покорять моря
отправил Лаперуза².

В пять сотен тонн фрегат «Буссоль»³
был водоизмещением.
Фрегат надёжен, но король

² Жан-Франсуа де Гало, граф де Лаперуз, – великий французский мореплаватель. Погиб со всеми участниками кругосветного плавания в западной части Тихого океана в районе группы островов Санта-Крус (Santa Cruz Islands).

³ «Буссоль» и «Астролябия» – два фрегата в 500 тонн водоизмещением каждый, на которых 1 августа 1785 года Лаперуз вышел из Бреста с командой в 220 человек.

измучился сомнением.

Порой бриошь⁴ водой запьёт,
лежит с набитым пузом,
и мысль покоя не даёт:
А что там с Лаперузом?

И всё ж, тщеславья не тая,
он тешился мечтою:
Да будет Франция моя
владычицей морскою!

Но год за годом нет вестей
от графа Лаперуза.
Нашли останки кораблей
в морях у Санта-Круза.

И каждый истинный француз
оплакивал потерю.
И вдруг ещё один конфуз!
Король сказал: «Не верю!»

Не может быть, чтоб адмирал
пошёл на корм медузам!»
И вновь придворных допекал:
«А что там с Лаперузом?»

⁴ Бриошь – сладкая булка из сдобного теста на пивных дрожжах с добавлением масла.

Он потерял покой, в сердцах
отверг соблазны света.
Одна скучала на балах
Мари-Антуанетта⁵.

Король совсем не уделял
вниманья брачным узам
и даже в спальне вопрошал:
«А что там с Лаперузом?»
На короля пенять-то грех,
бывали и поплоше.
Но те следили, чтоб на всех
в стране пекли бриоши.

Нет хлеба – ешь бриошь, но вот,
со всем почтеньем к музам,
плевать, когда пустой живот,
на то, что с Лаперузом!

Народ пошёл громить Версаль,
народ возжаждал крови.
И свергли короля! А жаль!
Хороший был Людовик!

Его в темницу волокли
то на себе, то юзом.

⁵ Мария-Антуанетта – королева Франции, супруга Людовика XVI. Злые языки утверждают, что на жалобу простого люда о нехватке хлеба Мария-Антуанетта ответила: «Qu'ils mangent de la brioche» (Пусть едят бриошь).

Но повторял одно Луи:
«А что там с Лаперузом?»

«Попался, Сир! Тебе капец! —
толпа кричала злобно. —
Ты не Бурбон, а ты Капет!⁶»
И смех гремел взхлёб, но

король ответил: «Раз уж я
стал непомерным грузом,
со мною ясно всё, друзья.
А что там с Лаперузом?»
...Я был бы рад рассказ прервать
не на минорной ноте!
Увы, друзья, не даст соврать
король на эшафоте.

Поверх толпы он смотрит вдаль
и говорит: «Французы!
Вот вам смешно, а мне вас жаль.
Не ждите Лаперуза!»

⁶ Республиканские власти лишили Людовика XVI титула короля и именовали его «гражданин Луи Капет» по имени его предка Гуго Капета, основателя династии Капетингов, ветвью которой является династия Бурбонов.

Стеклянный сапог

Коль не растёшь ты дураком,
то поздно или рано
поймёшь, что, если сапогом,
то лучше быть стеклянным.

Пусть не стучу по мостовой
подковой на железе,
зато немытою ногой
никто в меня не влезет.

Никто не стопчет мой носок,
подошв моих не сносит
и свой нестираный носок
никто в меня не бросит.

Пусть пары нет и я один,
зато я чист и даже
на щёки чёрный гуталин
никто мне не намажет.

Когда свои я осознал
стеклянные заслуги,
от гордости затанцевал
чарльстон и буги-вуги.

И тут я не на шутку вдруг
от счастья разошёлся,
споткнулся я, и мой каблук
оторв... нет, откололся.

И не помогут – вот беда! —
ни гвозди, ни иголки.
Каблук разбился навсегда
на мелкие осколки.

Ах, как я раньше жил! Вполне
счастливым был! И всё же,
ах, лучше бы родиться мне
из натуральной кожи.

Тогда тебя не разобьют,
а если будут раны,
каблук прибьют, дыру зашьют,
ведь ты же не стеклянный.
Ведь ты же не стеклянный!..

Частушки

Как-то в сено закопал
нитку я с иголкою,
нынче сердце потерял
и ищу без толку я.

Эх, ёлка моя!
Всё ищу без толку я!

Раз на ярмарке гулял
и купил воробышка.
Сел, на перьях погадал,
любит ли зазнобушка.

Эх, гроб в три вершка!
Любит ли зазнобушка!

Только верно брат сказал,
зря я птичку пёр с Торжка.
Я бы «любит» отгадал —
не хватило пёрышка!

Эх, шторы да шкаф!
Не хватило пёрышка!

Смотрит девица в окно
и на солнце ленится.
Кто допрыгнет до неё,
тот на ней и женится!

Эх, дужка ведра!
Буду прыгать до утра!
Разбежался, прыгнул, раз —
ухватил за косу,
а коса оторвалась,
я остался с носом!

Эх, Васька-матрос!
А зачем мне без волос?!
Эх, Васька-матрос!
Не нужна мне без волос!

Предсмертная исповедь Иоанна Грозного

Постой с вопросами, постой,
мне не нужны молитвы, отче.
Путь к Богу у меня есть свой,
и он молитв твоих короче.

Я знаю, Бог мне всё простил —
мои убогость и величье.
В свой смертный час я пригласил
тебя лишь только для приличья.

Ведь тех, кто ждёт там у ворот,
мы огорчать с тобой не вправе.
Пусть тем утешится народ,
что царь его был православен.

Я смерть почувствовал локтём,
глаза горят огнём неласковым.
Умру, но помните о том,
что я вернусь ещё не раз к вам.

Придёт, быть может, не Иван,
но Грозным будет он не хуже.
Ведь в каждом сердце жив тиран,

готовый вырваться наружу.

И вновь зальётся кровью Русь,
и страшно будет в ту минуту
не то, что я назад вернусь,
а то, что сыщется Малюта.
Да, деспот в каждом сердце есть.
Ему намёк всего лишь нужен,
чтоб он забыл про стыд и честь
и вышел в полный рост наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.